

АНОНС КНИГИ А.А. АСОЯНА «СЕМИОТИКА МИФА ОБ ОРФЕЕ И ЭВРИДИКЕ»

Н.Ю. Бартош

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет

bartosh@academ.org

Культурологическое эссе посвящено выявлению интерпретационных шифров орфического мифа в мировой культуре. Столетие назад И. Анненский пронизательно заметил, что античный миф определяет не только материал, но и самые формы нашей творческой мысли. Критерий здесь не точность, а глубина... Это область открытий, откровений, предубждений и экзистенциальных догадок, границы эссеистического хронотопа от Пушкина и Ж. Нерваля до Вл. Набокова и У. Одена. Но логика развития исследования диктуется не хронологией, а ассоциативной и непредсказуемой связью интерпретационных смыслов. Орфический миф показывает, как старая истина и ее новое художественно-философское понимание могут быть связаны воедино.

Ключевые слова: миф, Орфей, поэзия Серебряного века.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-172-176

Эссе Арама Айковича Асояна «Семиотика мифа об Орфее и Эвридике» – одно из самых увлекательных «культурологических чтений» последних лет. Интрига в том, что автор воскрешает фигуру, раритетную для XXI в., почти исчезнувшую из сознания современного читателя под лучами техногенной культуры постмодернизма, – Поэта. Речь идет о его назначении, смерти и бессмертии. Миф об Орфее лишь повод, чтобы задуматься о том, что в современном культурном сознании Поэт утрачивает свой иератический статус творца и пророка.

Через собранные автором отзвуки слов, мыслей, отрывки из писем и эссе русских и европейских поэтов открывается сакральная сущность Поэзии, магическая власть поэтического Слова над миром земным и подземным. Чтение оказывается любопытным еще и потому, что автор при выявле-

нии смысловой многослойности орфических мотивов в поэзии и их «дешифровки» использует не традиционный научно-филологический, а ассоциативно-поэтический метод. Это обусловлено мифологизацией художественного мышления – параллельными процессами в литературе и искусстве как на рубеже XIX–XX вв., так и на рубеже XX–XXI вв.

Вслед за Иннокентием Анненским, поэтом-символистом и одним из самых тонких знатоков античности, автор считает, что «античный миф не только определяет материал, но и самые формы нашей творческой мысли» [1, с. 7]. Поэтому сюжетная ткань античного мифа об Орфее становится для А.А. Асояна своеобразным путеводителем по эссе, схемой для размышления о роли Поэта и смысле Поэзии. Орфей – поэт-кифаред, служитель Аполлона – спускается в Аид, чтобы вывести оттуда свою

жену – нимфу Эвридику. С помощью песен он склоняет на свою сторону владычицу царства мертвых Персефону. Однако Орфей, так и не сумев довести до конца свою миссию, теряет возлюбленную, а впоследствии и голову, оторванную разъяренными менадами, служительницами бога Диониса. Ассоциативно-хаотичное движение мысли в эссе подчиняется логике мифа. Предложенная автором «непредсказуемая связь интерпретационных смыслов» [1, с. 4] от Боэция до Владимира Соловьева и от Марины Цветаевой до Гадамера создает многоуровневое смысловое пространство, где, по определению М.М. Бахтина, критерием является «не точность, а глубина». Оказывается, миф – это лабиринт, по мотивам-коридорам которого проходят поэты, а за ними и увлекаемый их мыслью читатель. Основные темы для размышлений, на которые наталкивает читателя миф об Орфее: космогоническая роль поэзии, поэт и тема «вечного возвращения» (запрет оборачиваться как линейность, преодоление «инструмента уничтожения времени») [1, с. 14], поэт и катабазис («Аид – эмблема будущего») [1, с. 15], поэт и Вечно-Женственное (София-Астарта как разные лики богини, которой он поклоняется, мистический брак поэта с Персефоной как «посвящение в тайны зиждательного хаоса») [1, с. 36], сновидческий характер поэтического творчества и поэтического пути.

В первой главе А.А. Асоян изящно представляет контаминацию и резюме идей, популярных в эпоху *fin de siècle*. Особо подчеркивается роль мифа об Орфее в жизнетворчестве поэтов двух последних веков. Автор, тонко и глубоко чувствуя особенность эпохи рубежа веков, подводит читателя к выводу, что не только Орфей, но любой истинный поэт при

жизни сходит в инфернальное пространство («Искусство есть Ад», А. Блок [2, с. 609]). Миф об Орфее-кифарее оказывается лишь поводом задуматься над особым значением темы «сошествия в Аид» в судьбах русских поэтов: Вячеслава Иванова, Александра Блока, Валерия Брюсова, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама. Ответ, считает автор, как в стремлении русских поэтов быть пророками, так и в обращении «к недрам человеческого существования и к той бездне, которая открывается в самом человеке» [1, с. 22]. Через призму Серебряного века А.А. Асоян рассматривает и христианскую трактовку орфического мифа. Автора интересует прежде всего философско-трансцендентное толкование мифотемы («брак Логоса и плененной Души») [1, с. 25]. Особое место занимает теургическая концепция творца, предложенная философом Владимиром Соловьевым, она находит отражение в том, как «миф об Орфее проецируется на мечту о Богочеловечестве, открывшуюся в Христе» [1, с. 24]. Задача автора – не анализ истории религиозной параллели Орфей–Христос, а попытка сравнить трактовку пути Поэта в контексте религиозного и безрелигиозного сознаний. Все же нельзя говорить об исчерпывающем ответе автора, поскольку «безрелигиозное» понятие катабазиса для XX в. связано прежде всего с либидозными отношениями, а мотив спуска в Аид – с мотивом «темных восторгов» (Э. Бронте [3, с. 401]). Однако автор не стремится даже через чужое поэтическое слово ввести читателя в подземелье психоанализа, осторожно выносит наиболее «опасные», наполненные телесностью цитаты за границы текста, в примечания. «Магический кристалл» поэтического слова (от Вл. Соловьева до Пье-

ра Эммануэля) нужен для того, чтобы донести читателю важную для понимания орфического мифа мысль: без катабазиса поэта не может быть анабазиса – «нисхождение вдруг превращается в восхождение, открывающее душе ее божественную природу» [1, с. 32–33].

Вторая глава эссе строится как экскурс в историю мифа. Рассматриваются различные версии, функционирующие в античной литературе и перекликающиеся с традициями его восприятия в европейской литературе в целом. Перед читателем проходит вся парадигма метаморфоз образа возлюбленной поэта: от безымянной нимфы до героинь с аллегорико-эмблематическими именами: от самого названия бездны Тартара («широкая справедливость») к Дике («персональная справедливость», «страж врат Дня и Ночи», отсюда и Эвридика) и Адрастее («неотвратимая») и т. п. Представляя Эвридику как «одновременно богиню любви и смерти, Афродиту гробовую» [1, с. 65], автор вовлекает ее в широкий культурологический контекст. Описание мифопоэтических смыслов имени героини провоцирует автора на развертывание аналогий Эвридики с Еленой, а Орфея – с гетевским Фаустом, отправляющимся в Обитель Матерей. Подобная свобода аналогий и ассоциаций позволяет построить культуроцентрическое пространство, где тексты Платона, Гете, Кьеркегора, Флоренского, Шестова и др. оказываются соединенными в свободную сеть отношений через миф. Таким образом, в тексте эссе каждая деталь мифа об Орфее, каждое воспроизведение орфической истории в античной поэзии, каждая рецепция этого сюжета или его антипода (таковым становится другой «архетипический» образ – Дон Жуан) в европейской

культуре исполнены глубокого смысла. В пространстве свободных ассоциаций миф – повод поговорить об отношении к Богу человека эстетического, коим Кьеркегор считает Орфея, а автор невольно переносит это понятие на любого творца.

Магистральная тема третьей главы эссе – поиск первичных значений поэтического творчества через понимание основ мифологического пути, где Эвридика не только другое «Я» Орфея, *mortificatio* кифареда, но зримый символ бессмертия его творений («смерть и бессмертие всегда едины»). Миф о поэте предстает как универсальное знание о вневременных интенциях и символах человеческого существования, представленных автором прежде всего через экзистенциальные размышления писателей XX в. (Камю, Бланшо, Хайдеггера, Одена и др.). «Миф об Орфее и Эвридике – аллегория творения, аллегория искусства, которое есть творящаяся истина» [1, с. 84], где истинный поэт принадлежит обоим мирам – бытия и небытия. Отсюда вытекает правомочность четвертой, самой спорной, но в то же время самой интересной главы эссе, посвященной функционированию орфического мифа в пушкинском романе в стихах.

А.А. Асоян делает довольно смелое предположение, что миф об Орфее и Эвридике является своеобразным «конструкт-текстом», метасюжетом для «Евгения Онегина», поскольку за ценностно-смысловой сущностью романа кроется архетипическое ядро. Автор приводит мнения исследователей, вычленивших в пушкинской триаде Онегин–Татьяна–автор различные варианты мифологических сюжетов или ролевых дуэтов. На наш взгляд, предположение, выдвинутое автором, довольно спорно. Однако оно имеет пра-

во на существование, так как переводит знакомый с детства текст в иератическое пространство, а отношения героев в область сакральных поведенческих моделей. А.А. Асояну удается показать, что за пушкинскими героями, их несостоявшимся любовным сюжетом, вылившимся в формулу «а счастье было так возможно», стоит некое явление истины о Любви вообще, эйдически целостный инвариант сущности, которая действует «везде и всегда», проявляясь в различных вариациях, в зависимости от исторической эпохи.

Тонкая художественная интуиция, широкий кругозор, огромный багаж знаний позволяют А.А. Асояну выстроить узор «орфических» текстов-размышлений о драматизме художника и природе художественного творчества внутри эссе как взаимосвязь и взаимодополнение лейтмотивов тем и отдельных имен (мифологических и реальных), элементов, сохранивших перво-

начальное самостоятельное значение и получивших новое смысловое наполнение в единстве всех частей текста. Имена, цитаты и мотивы пронизывают весь текст и образуют целостную структуру – новый тип исследовательского культурологического текста, который, несомненно, заслуживает самой высокой оценки.

Литература

1. *Асоян А.А.* Семiotика мифа об Орфее и Эвридикe. – СПб.: Алетейя, 2016. – 136 с.
2. *Блок А.А.* О современном состоянии русского символизма // Блок А.А. Пoэзия, драмы, проза. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – С. 604–611.
3. *Бронте Э.* Грозовой перевал: роман; Стихотворения: пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1990. – 430 с.
4. *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. – СПб.: Алетейя, 1994. – 343 с.
5. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость: пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.

ANNOUNCEMENT OF THE BOOK BY ARAM ASOYAN “SEMIOTICS OF MYTH ABOUT ORPHEUS AND EURYDICE”

N.Yu. Bartosh

National Research Novosibirsk State University

bartosh@academ.org

This culturological essay identifies the interpretative codes of the Orphic myth in world culture. A century ago, Innokenty Annensky astutely observed that ancient myth determines not only the material, but also the forms of our creative thought. The criterion here is not accuracy, but depth... This is the space of discoveries, revelations, foreknowledge, and existential insights. The book explores the borders of the essayistic chronotope from Alexander Pushkin and Gérard de Nerval to Vladimir Nabokov and Wystan Hugh Auden. However, the logic of the how the study unfolds is dictated not by chronology, but by associative and unpredictable links of interpretative meanings. The Orphic myth reveals how the old truth and its new artistic and philosophical understanding can be linked together.

Keywords: myth, Orpheus, Silver Age of Russian Poetry, Fin de siècle.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-172-176

References

1. Asoyan A.A. *Semiotika mifa ob Orfee i Evridike* [Semiotics of myth about Orpheus and Eurydice]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2016. 136 p.
2. Blok A.A. O sovremennom sostoyanii russkogo simbolizma [About contemporary state of Russian symbolism]. Blok A.A. *Poeziya, dramy, proza* [Poetry, dramas, prose]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2001, pp. 604–611.
3. Brontë E. *Grozovoi pereval: roman. Stikbotvorenija* [Wuthering Heights: novel. Poems]. Translated from English. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 430 p. (In Russian)
4. Ivanov V.I. *Dionis i pradiionisiistvo* [Dionysus and the pra-Dionysian]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1994. 343 p.
5. Eliade M. *Le mythe de l'éternel retour. Archétypes et répétitions* [The myth of the eternal return: or, Cosmos and history]. Paris, Gallimard, 1969. 187 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii: arkhetypy i povtoryaemost'*. Translated from French. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 249 p.).